Еще встречаются работы, авторы которых анализ переводных произведений сводят к сопоставлению комплекса мотивов, пренебрегая идейной основой и проблематикой.[12]

Наконец, часть зарубежных славистов и византинистов пытается отрицать значение некоторых древнерусских переводов (в частности, так называемого «Девгениева деяния»), утверждая без достаточных аргументов, будто основой их является поздняя устная передача старинного сюжета.[13]

Дело чести советских исследователей изучить древнерусскую переводную литературу, используя наше несомненное преимущество — возможность привлечь для анализа всю совокупность русского материала: рукописи, лубочные сказки, устные варианты, литературные обработки и реминиценции. Лишь на основе серьезных монографических исследований можно показать шаткость и ошибочность выводов, проистекающих из неполноты материала (или недостаточной осведомленности), раскрыть несостоятельность некоторых теорий и отдельных попыток снизить значение древнерусской культуры.

---

[12] A. Schmaus. Philopappos-Maximo-Szene und Kaiserepisode im altrussichen Digenis. — Byzantinische Zeitschrift, München, 1951, Bd. 44, стр. 495—508; W. J. Entwistle. Bridesnatching and the Deeds of Digenis. — Oxford slavonic papers. Oxford, 1953, vol. IV. стр. 1—16.

[13] André Mazon. Chronique. — Revue des études slaves. Paris, 1950, vol. XXV, стр. 187; André Vaillant Le Digénis slave. — Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор. 1955, к. 21, св. 3—4; Digenes Akritas edited with an introduction, translation and commentary by John Mavrogordato. Oxford, 1956.